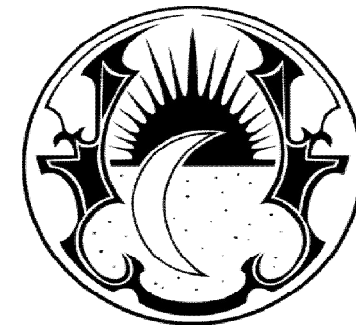

Высшая школа экономики
Факультет философии

**Трансцендентное
в современной философии:
направления и методы**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2013

Рецензенты:

Доктора философских наук, профессора *В.В. Васильев, П.К. Гречко*

Печатается по решению Ученого совета факультета философии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

**Трансцендентное в современной философии:
направления и методы** / отв. ред. Левина Т.В. — СПб.:
Алетейя, 2013. — 371 с.

ISBN 978-5-90670-512-9

В сборнике представлены результаты исследований проблематики трансцендентного в современной философии, а также объяснение контекстов, которые возрождают эту проблему, несмотря на серьёзную критику самого данного понятия и соответствующей ему онтологической схемы. В книге представлены работы, в которых проводится всестороннее и аргументированное обоснование актуальности не только критики, но и реставрации понятия «трансцендентного» в рамках наиболее влиятельных контекстов современной философии, таких как аналитическая философия, феноменология, философия постструктурализма.

Одной из главных задач этого коллективного исследования является прояснение смысла и значения понятия «трансцендентного» для различных философских контекстов, что необходимо в силу значительной неопределённости данного понятия.

Книга предназначена в первую очередь специалистам в области классической и современной философии, но также может представлять интерес и для широкого круга читателей.

УДК 1(82)
ББК 87я43
Ф 561

ISBN 978-5-90670-512-9

© Коллектив авторов, 2013

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2013

Предисловие

Проблематизация понятия трансцендентного в современной философии стала целью проекта «Метафизический реализм: трансцендентное в современной философии»¹. Реализация проекта позволила провести многостороннее и аргументированное обоснование реставрации трансцендентного в рамках наиболее влиятельных контекстов современной философии, таких как аналитическая философия, феноменология, пост-структурализм. Кроме того, в исследовании ставилась задача прояснения смысла и значения понятия «трансцендентного» для различных философских контекстов, что необходимо в силу значительной неопределённости данного понятия.

Известно, что философия XIX и XX вв. ознаменовалась критической рефлексией трансцендентного. Под знаком этого усилия проходит масштабный проект переосмысления главных достижений классической метафизики: теории истины, теории рефлексии, обоснования реального и идеального, понимания природы этического и т.д. Такое состояние привело к представлению об устоявшемся имманентизме и «забвении трансцендентного» в современной европейской философии («теория смерти Бога», «закат метанарраций», «антропологический поворот» и др.). Между тем, современная философия насчитывает существенное число теорий, явно или неявно обращенных к восстановлению концепта трансцендентного. Целью настоящего исследования является подробный концептуальный анализ данных теорий. Также важным результатом исследования стал анализ критических

¹ Проект выполнен в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 году, грант № 13-05-0032

Переводы

Богуслав Вольневич ПАРАЛЛЕЛИЗМ МЕЖДУ ВИТГЕНШТЕЙНИАНСКОЙ И АРИСТОТЕЛИАНСКОЙ ОНТОЛОГИЯМИ¹

I

Различные онтологии принимают в качестве базового различные понятия существования. Аристотелевская парадигма существования задаётся равенством:

(A) быть = быть сущностью.

С другой стороны, парадигма существования, принимаемая в «Трактате» Витгенштейна, задаётся параллельным равенством:

(W) быть = быть фактом.

Однако, если аристотелевская сущность есть денотат единичного имени, то витгенштейновский факт является денотатом истинного высказывания. Отсюда, по всей видимости, следует, что понятия существования, вытекающие из этих двух парадигм, должны быть в достаточной мере раз-

¹ © В.В. Горбатов, перевод, примечания, 2013.

Перевод выполнен по изданию: Wolniewicz B. A parallelism between Wittgensteinian and Aristotelian ontologies. In Boston studies in the philosophy of science. Vol. IV. Edited by Cohen Robert S. and Wartofsky Marx W. Dordrecht: Reidel Publishing Company 1969. pp. 208-217 (Reprinted in: *Logic and metaphysics* (1999) – pp.198-207).

Перевод выполнен в ходе выполнения проекта «Метафизический реализм: трансцендентное в современной философии», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 году, грант № 13-05-0032.

Параллелизм между витгенштейнианской и аристотелианской онтологиями

личными, и вполне можно ожидать, что метафизические системы, возведённые на этих основаниях, продемонстрируют широкие структурные разногласия.

Тем не менее, оказывается, что несмотря на это базовое различие между двумя упомянутыми системами существует глубокий и поразительный параллелизм. Этот параллелизм фактически настолько близкий, что делает возможным построение некоего словаря, с помощью которого можно было бы переводить характеристические высказывания витгенштейновской онтологии в характеристические высказывания аристотелианской онтологии, и наоборот. Продемонстрировать в некоторых деталях работу этого перевода и является целью настоящей статьи.

Упомянутый словарь основывается на следующих четырёх фундаментальных корреляциях:

	<i>Аристотель</i>	<i>Витгенштейн</i>
(1)	первые сущности (substantiae primae)	атомарные факты
(2)	первоматерия (materia prima)	объекты
(3)	форма (form)	конфигурация
(4)	самостоятельное существование первых сущностей (esse per se)	независимость атомарных фактов

Аристотелевская онтология есть онтология сущностей, витгенштейновская – онтология фактов. Но что касается соответствующих членов каждой из пар (1)-(4), обе онтологии устанавливают условия, которые с точки зрения нашего словаря оказываются одинаковыми. Чтобы продемонстрировать это, сопоставим для начала члены пары (1): сущности и факты².

² Корреляция (2) впервые была отмечена профессором Ирвингом М. Копи в его замечательной работе «Объекты, свойства и отношения в Трактате», *Mind* 67 (1958) 145-165. В действительности, замечание Копи о том, что «Витгенштейновские объекты субстанциальны в позднем смысле substrata, и находятся ближе к аристотелевской

(В данной работе принимается стандартная интерпретация Аристотеля, которую можно найти в любом компетентном справочнике по истории философии. В связи с этим, здесь, за одним лишь исключением, ссылки на работы Аристотеля будут опущены.)

II

Относительно рассматриваемой системы сущности и факты имеют один и тот же онтологический статус. Мир Аристотеля есть совокупность сущностей (*summa rerum*), мир Витгенштейна – совокупность фактов (*die Gesamtheit der Tatsachen*). Для Аристотеля любое существующее в собственном смысле слова есть первая сущность, для Витгенштейна – атомарный факт. Более того, обе онтологии являются МОДАЛЬНЫМИ, допускающими различные модусы бытия (*modi essendi*); обе берут в качестве базового понятие «конtingентного бытия» (*esse contingens*), противопоставляемого, с одной стороны, бытию необходимому, а с другой – возможности бытия. Как сущности, так и факты есть нечто, что в действительности существует, но могло бы и не существовать. Одинаковость онтологического статуса сущностей и фактов подтверждается тем обстоятельством, что и первые, и вторые суть ПАРТИКУЛЯРИИ, так что не происходит, говоря известными словами, умножения сущностей <entities>, ПОДПАДАЮЩИХ под эти понятия.

Сущности и факты находятся также в одном отношении к онтологическим категориям из пар (2) и (3). Как первые, так и вторые суть нечто СОСТАВНОЕ: сущность состоит из мате-

ривоматерии, чем к первым сущностям» послужило отправным пунктом в открытии и развитии излагаемого здесь параллелизма.

Автор рад также сообщить, что во многом обязан трудам профессора Густава Бергмана и его школы, в особенности следующим работам: G.Bergmann 'Strawson's ontology', *Journal of Philosophy* 57 (1960) 601-622 (откуда позаимствованы термины «онтология фактов» и «онтология сущностей»); E.B.Allaire, 'Existence, Independence, and Universals', а также Н.Hochberg 'Elementarism, Independence, and Ontology' (обе опубликованы в E.B.Allaire *et al.*, *Essays in Ontology*, Iowa-City – The Hague 1963).

рии и формы, факт – из объектов и способа их конфигурации. Но ни в одной из данных систем эта составленность не понимается буквально как сочленение физически делимых частей или кусков. Составленность (*compositio*) сущности заключается в том, что она представляет собой сформованное вещество (*materia informata*), а составленность факта – в том, что он есть конфигурация объектов.

Рассмотрев корреляцию (4) мы тоже обнаружим, что отношение, в котором сущности находятся к сущностям, а факты к фактам, одинаково. Самостоятельное существование есть характерный атрибут первых сущностей: *substantia prima = ens per se*. Если понимать это как то, что каждая сущность существует независимо от существования или несуществования какой-либо другой сущности, мы получаем точную копию витгенштейновского принципа логического атомизма, утверждающего взаимную независимость атомарных фактов. Следует отметить, что таким образом понимаемое свойство независимого существования или независимости является относительным, принадлежащим сущности (или факту) только благодаря её (его) отношению к другим сущностям (или фактам).

С витгенштейновской точки зрения, аристотелевские сущности представляют собой не вещи, а гипостазы фактов, и, следовательно, их имена не суть логически собственные имена, а лишь имя-подобные эквиваленты высказываний. (Под этим термином мы, грубо говоря, имеем в виду либо придаточное предложение вида «что р», либо какой бы то ни было символ, который можно расценивать как дефинициальное сокращение подобного придаточного предложения.) Конечно, с аристотелианской точки зрения, легко можно было бы возразить, что имеет место как раз противоположное: не сущности представляют собой «реифицированные» факты, а наоборот, факты – «дереифицированные» сущности. Воздерживаясь от суждения относительно этих взаимных возражений, заметим мимоходом, что их симметричный характер сам по себе, видимо, является ещё одним проявлением рассматриваемого нами параллелизма.

III

Витгенштейнианским дубликатом аристотелианских имен, обозначающих первые сущности, являются элементарные высказывания, утверждающие атомарные факты. Пусть «F(M)» будет символом, допускающим обе интерпретации. При аристотелианском подходе это будет имя некоторой определенной первой сущности S, где имяобразующий функтор «F(...)» репрезентирует форму S, а константа «M» репрезентирует её материю — ту часть материи (*materia quantitate signata*), которая, приняв форму F, образует сущность S. Таким образом, мы получаем определение:

$$(A) \quad S =_{df} F(M).$$

С витгенштейнианской точки зрения, однако, символ «F(M)» не имя, а элементарное высказывание, утверждающее тот факт, что некоторая часть материи оформлена некоторым определённым образом, или, другими словами, что некоторые объекты образуют некоторую определённую конфигурацию. Константа «M» репрезентирует теперь множество всех объектов, вовлечённых в факт S, а предложениеобразующий функтор «F(...)» — способ их конфигурации. Таким образом, мы получаем определение:

$$(W) \quad S =_{df} \text{что } F(M),$$

которое показывает, что символ S является имя-подобным эквивалентом высказывания, сокращённым до одного существительного.

В целях иллюстрации, предположим, что материя S состоит всего лишь из трех материальных точек a, b и c, и что формой S является образ

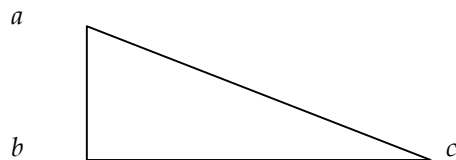

Рис. 1

прямоугольного треугольника, подобного тому, что изображён на Рисунке 1. В этом конкретном примере мы имеем:

$$M = \{a, b, c\}.$$

«F(...)» = «Объекты ... образуют прямоугольный треугольник». Аристотелианским прочтением символа «F(M)» является фраза «этот прямоугольный треугольник», которая может быть расценена как единичное имя сущности S. Но с витгенштейнианской точки зрения эта фраза есть самый настоящий имя-подобный эквивалент высказывания «F(a, b, c)». Дело в том, что мы не можем записать:

$$S =_{df} F(a, b, c),$$

что, очевидно, было бы синтаксически неправильно построенной формулой, где слева от знака тождества стоит имя, а с правой — предложение. Вместо этого, мы должны записать формулу:

$$S =_{df} \text{что } F(a, b, c),$$

которая показывает, что фраза «этот прямоугольный треугольник» есть переодетое УТВЕРЖДЕНИЕ о том, что объекты a, b и c, обозначенные указанием или их собственными именами, образуют в действительности конфигурацию прямоугольного треугольника. Разумеется, при обоих подходах они могли бы образовать и совершенно иной треугольник: аристотелевская материя может принимать самые разнообразные формы, а витгенштейновские объекты могут входить в самые разнообразные конфигурации.

IV

Рассмотрим следующий пункт аристотелевской онтологии, чей витгенштейнианский дубликат увидеть не так просто. В аристотелевской системе наряду с первыми сущностями существуют и так называемые «вторые сущности» (*substantiae secundae*). Их отношение к первым сущностям бы-

ло и является предметом больших дискуссий, но для наших ограниченных целей оно кажется достаточно ясным. Вторые сущности суть универсалии, и они являются каким-то образом производными по отношению к первым. Более того, мы говорим, что первые сущности ПОДПАДАЮТ под вторые. Таким образом, вторая сущность есть коррелят ОБЩЕГО понятия, или денотат общего имени. Она соответствует платоновской «идее», хотя и отличается от неё тем, что существует не сама по себе, а лишь как присущая некоторой первой сущности (*universale in re*). Мы получаем понятие второй сущности путем АБСТРАКЦИИ, то есть мысленного отвлечения некоторых компонентов формы первой сущности от нее самой.

Чтобы соотнести эту дистинкцию с какой-либо дистинкцией в рамках системы Витгенштейна, начнем с её концептуальных или лингвистических двойников. Лингвистическим двойником первой сущности выступает единичное имя (вроде выражений «Сократ» или «этот человек»), второй сущности – общее (вроде «человек» или «некий человек»). Витгенштейновским дубликатом аристотелианского единичного имени является элементарное высказывание. Следовательно, его дубликат для аристотелианского общего имени должен быть просто пропозициональной ФУНКЦИЕЙ, образованной из некоторого элементарного высказывания «s» путём замены некоторого его компонента на ПЕРЕМЕННУЮ. Если фраза «*этот* прямоугольный треугольник» есть единичное имя первой сущности, то фраза «*некоторый* прямоугольный треугольник» будет общим именем второй сущности. Подобным же образом, если «F(M)» есть элементарное высказывание, то подставляя вместо константы «M» переменную «X», мы получаем пропозициональную функцию «F(X)», чей денотат и будет точной копией аристотелианской второй сущности.

Возвращаясь к нашему примеру, мы преобразуем высказывание «F(a, b, c)» в пропозициональную функцию «F(x, y, z)», репрезентирующую то, что есть общего у всех прямоугольных треугольников, заданных любыми тремя материальными точками x, y, z. Аристотелевской операции абстрак-

ции соответствует в системе Витгенштейна операция подстановки переменной на место константы. А поскольку функции «F(x, y, z)» удовлетворяют любые три объекта, составляющих нужную конфигурацию, мы можем также сказать, что существует много атомарных фактов, ПОДПАДАЮЩИХ под эту функцию.

V

Нелегко подобрать аристотелианский дубликат к проводимому в витгенштейновской системе различению АТОМАРНЫХ и МОЛЕКУЛЯРНЫХ фактов. Если двойником атомарного факта выступает первая сущность, то что же тогда можно назвать аристотелианским двойником молекулярного факта? Это сложный вопрос, и мы вынуждены ограничиться всего лишь намеком. Витгенштейновскому атомарному факту в аристотелевской системе могло бы соответствовать какое-то НЕ-СУБСТАНЦИАЛЬНОЕ ЦЕЛОЕ – то есть целое, которое является не сущностью (*unum per se*), а агрегатом сущностей (*unum per accidens*). Так, овца является сущностью, стадо овец – нет.

Существенный пункт этого сравнения состоит в том, что две сущности, взятые вместе, не составляют ещё одну другую сущность, точно так же как два атомарных факта, взятые вместе, не есть ещё один другой атомарный факт. Однако очевидно, что эта идея проходит в лучшем случае лишь при конъюнктивном соединении фактов.

VI

Вернёмся теперь ещё раз к паре (3). Аристотелевской форме здесь соответствует в витгенштейновской системе способ, которым объекты актуально соединены в некотором факте. Этот способ Витгенштейн называет «структурой» факта [2.032]. Однако различные сущности могут иметь одну и ту же форму, так же как различные факты могут иметь одну и ту же структуру. Следовательно, и аристотелевская форма, и витгенштейновская структура УНИВЕРСАЛЬНЫ, в противоположность единичному характеру сущностей и фактов.

Более того, в аристотелевском мире всё изменение заключается лишь в изменении формы. Но то же самое справедливо и для витгенштейновского мира, где всякое изменение есть изменение конфигурации.

Параллелизм между аристотелевской формой и витгенштейновской структурой оказывается даже ещё более поразительным, если взглянуть на него с эпистемологической точки зрения. Сущности чувственно воспринимаемы, они представляют собой вещи, данные в опыте. Но сущность познаваема только благодаря своей форме, и приобретение эмпирического знания заключается в том, что чувства воспринимают форму сущностей, не воспринимая их материю. Именно в этом, несомненно, заключается основная мысль аристотелевского сравнения с воском и печатью, где печать представляет собой воспринимаемую сущность, а воск – воспринимающий разум. Воск перенимает лишь образ печати, но не её металлическое вещество, и таким образом, одна и та же форма актуализируется на двух различных материалах.

Согласно Витгенштейну, именно факты суть то, что дано нам в опыте [5.552]³. Его дубликатом аристотелианского разума является СИМВОЛИЗМ, а эмпирического познания – описание фактов с помощью осмысленных <meaningful> высказываний. Описание факта представляет собой ещё один, другой, факт, – пропозициональный знак, – отражающий своей собственной структурой структуру описываемого факта. При этом обе структуры должны быть тождественны.

VII

Аристотелевская первоматерия есть устойчивый субстрат явлений. Принимая разнообразные образы, она порождает преходящие сущности как их «материальная причина», но сама по себе остается вечно неизменной. Витгенштейновские объекты образуют то, что он называет «субстанцией мира» [2.021]. Эта субстанция также не

³ Cf. G.E.M.Anscombe, 'An Introduction to Wittgenstein's Tractatus', London 1959, p.165.

затрагивается изменением конфигураций составляющих её объектов [2.024].

Аристотелевская первоматерия абсолютно без-образна и неопределённа. Если бы она не была оформлена, в сущности, она не имела бы никаких определённых свойств вообще. То же самое справедливо и для витгенштейновских объектов [2.0231, 2.0232]. Они приобретают то, что он называет «материальными свойствами», только будучи конституэнтами каких-то фактов, то есть путем актуального вхождения в какую-то конфигурацию с другими объектами.

Витгенштейновские объекты не могут быть описаны, только поименованы, потому что всякое описание должно быть уже описанием какого-то факта, а не единичного объекта. Эта неопиcуемость витгенштейновских объектов хорошо согласуется с непостижимостью аристотелевской первоматерии. К тому же и та, и другая одинаково загадочны с точки зрения здравого смысла.

Наиболее важно здесь то обстоятельство, что аристотелевская первоматерия есть ВОЗМОЖНОСТЬ формы. Подобным же образом, витгенштейновские объекты суть возможность конфигурации [2.012, 2.0123, 2.0124]. Более того, Аристотель, по всей видимости, пришёл в конце концов к заключению, что форма и материя представляют собой просто два аспекта одной и той же реальности, где материя есть возможность формы, а форма – действительность материи [Metaphysica, 1045b]. То же самое мог бы сказать и Витгенштейн, принимая во внимание его поразительное утверждение о том, что субстанция мира есть «форма и содержание» [2.025]. Само собой разумеется, что «форму», о которой говорит Витгенштейн, не следует путать с формой Аристотеля.

VIII

До сих пор мы обходили молчанием фундаментальное различие, проведённое Витгенштейном между «фактом» (*Tatsache*) и «положением дел» (*Sachverhalt*). Это происходило потому, что мы хотели держаться как можно ближе к оригинальному варианту аристотелианской онтологии, в которой отсутствуют какие-либо ясно очерченные двойники такого

различия. Но если обратиться к той разновидности аристотелизма, которая представлена томизмом, мы сразу найдем то, что нам нужно. В томистской философии существует хорошо известное различие между «сущностью» вещи (*essentia*) и её «существованием» или «бытием» (*esse*). Чтобы провести параллель между этой дистинкцией и той, что была предложена Витгенштейном, мы должны лишь разделить оба члена пары (1) на три компонента:

<i>Аквинат</i>	<i>Витгенштейн</i>
(1.1) сущее (<i>ens</i>)	факт (<i>Tatsache</i>)
(1.2) сущность <essence> (<i>essentia</i>)	положение дел (<i>Sachverhalt</i>)
(1.3) быть (<i>esse</i>)	быть (<i>bestehen</i>)

Томистская сущность является ДВАЖДЫ составной⁴. Как состоящая только из материи и формы, она есть всего лишь нечто ВОЗМОЖНОЕ, «сущность <essence>», способная существовать, но, возможно, вовсе и не существующая. Если она действительно существует, к ней добавляется ещё один новый фактор, благодаря которому она и является «сущим» (*ens*), существующей вещью. Этот новый фактор называется в томистской терминологии «актом бытия» (*esse*), и присутствующее здесь отношение иногда выражается квазиравенством:

$$(T) \quad \textit{ens} = \textit{essentia plus esse}.$$

Если кто-то принимает, как это делаем мы, предпосылку, что витгенштейнианское *Sachverhalt* есть, подобно томистской сущности <essence>, только возможность существования, не что-то необходимо «актуальное» или «фактуальное», то параллелизм между обеими дистинкциями становится непо-

⁴ Cf. Aquinas *Summa contra gentiles*, II,54: «In substantiis autem compositis ex materia et forma est duplex compositio actus et potentiae: prima quidem ipsius substantiae quae componitur ex materia et forma; secunda vero ex ipsa substantia iam composita et esse».

средственно очевидным. Томистская сущность <essence> есть возможное соединение формы и материи, витгенштейнианское *Sachverhalt* есть возможная конфигурация объектов. И отношение между фактом и *Sachverhalt* могло бы быть также выражено строго аналогичным квази-равенством:

$$(W) \quad \text{факт} = \text{существование } \textit{Sachverhalt}.$$

XI

В связи с радикальным характером обсуждаемого параллелизма между двумя онтологиями, возникает вопрос, что можно было бы назвать витгенштейнианским дубликатом аристотелевского различения СУЩЕСТВЕННЫХ и АКЦИДЕНТАЛЬНЫХ предикатов, приписываемых сущностям. Чтобы ответить на этот вопрос, возьмем в качестве отправной точки *Трактат* 2.0201: «Каждое высказывание <Aussage> о комплексах может быть разложено на высказывания <Aussage> об их составных частях и на предложения <Satze>, полностью описывающие эти комплексы».*

Вернёмся ещё раз к нашему примеру с треугольником и рассмотрим ситуацию, изображённую на Рисунке 2. Пусть треугольная конфигурация из

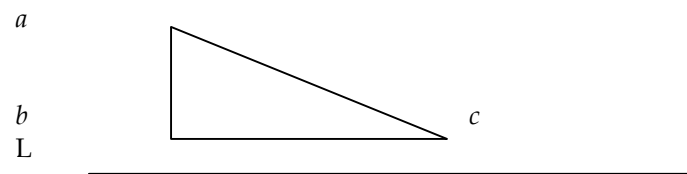

Рис. 2

трёх материальных точек *a*, *b* и *c* будет КОМПЛЕКСНОЙ в смысле Витгенштейна. Тогда «S» есть единичное имя этого

* Цит. по русскому переводу: Л.Витгенштейн, *Логико-Философский Трактат*, М.1958, с.33.; немецкие термины — по изданию Л.Витгенштейн, *Философские работы*, часть I, с.6.

комплекса, а поскольку каждый комплекс является фактом, это имя может быть определено так же, как раньше:

$S =_{df}$ факт, что $F(a, b, c)$,

Пусть утверждение об этом комплексе будет заключаться в приписывании предиката «... находится выше линии L», или, для краткости, «L(...)». Согласно 2.0201, высказывание «L(S)», будучи высказыванием о комплексе, может быть разложено следующим образом⁵:

$L(S) \equiv L(a) \wedge L(b) \wedge L(c) \wedge F(a, b, c)$,

Согласно предпосылке, комплекс S является аристотелианской первой сущностью. (Эта предпосылка не так уж нереальна, как может показаться, потому что, с одной стороны, Сократ определённо является аристотелианской первой сущностью, а с другой, вполне можно привести аргумент, что Сократ представляет собой всего лишь относительно стабильную конфигурацию атомов.) Следовательно, «L(...)» является акцидентальным предикатом S, потому что конъюнкция:

$L(a) \wedge L(b) \wedge L(c)$

могла бы быть ложной – S мог бы находиться ниже L, или пересекаться L, без того, чтобы S перестал быть тем, что он есть, а именно, треугольной конфигурацией объектов a, b и c. Но предикат «F(...)» является существенным, потому что высказывание:

⁵ Надо подчеркнуть, что существуют большие трудности с правильной интерпретацией 2.0201, особенно в отношении вопроса, почему «утверждение» (Aussage) употребляется в единственном числе, а «высказывания» (Sätze) – во множественном. Более того, в данном контексте следует оговорить, что S является ЭЛЕМЕНТАРНЫМ комплексом, то есть, что «F(a, b, c)» является элементарным высказыванием.

$F(a, b, c)$

не может быть ложным без утраты самоидентичности S. А это как раз то, чем, по мнению Аристотеля, должен быть существенный предикат.

Сведения об авторе: Богуслав Вольневич (р. 1927) – польский логик, философ и общественный деятель, известный комментатор Витгенштейна и основоположник «онтологии ситуаций». В творчестве Богуслава Вольневича особое место занимают исследования «Логико-философского трактата». В конце 1950-х гг., будучи ещё студентом, он посещал семинар Тадеуша Чежовского, посвящённый Трактату, а в 1968 г. из-под его пера вышла книга «Вещи и факты», в которой впервые была представлена формальная онтология ситуаций, построенная на базе особого типа логики (во многом благодаря изложенным в этой книге идеям в конце 1960-х появилась и знаменитая «нефрегевская» логика Романа Сушко).

Профессор Вольневич отошел от принятой в послевоенные годы интерпретации Витгенштейна как логического позитивиста и показал, что в Трактате представлен тип мышления, совершенно отличающийся от всех позитивистских и эмпирических традиций. В этой связи особый интерес представляет публикуемая в настоящем сборнике статья Вольневича, показывающая неожиданные точки соприкосновения между витгенштейновской онтологией ситуаций и аристотелевской онтологией сущностей.

В поздние годы своего творчества Богуслав Вольневич перешёл от вопросов логики и формальной онтологии к философии религии, аксиологии и философии права, с 1989 по 1998 г. возглавлял кафедру философии религии Варшавского Университета, с 1998 г. – почётный профессор Варшавского Университета.